Нурсан Алимбай

КОЧЕВАЯ ОБЩИНА КАЗАХОВ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Работа представлена Центром этнологического изучения Казахстана.

Этнически характерной организационной формой общинных отношений у казахов-кочевников была так называемая «семипоколенная» экзогамная структура, объединяющая группу родственников в пределах семи поколений по отцовской линии и синтезирующая в себе практически все основные типы и уровни социальных отношений. Ее известная демографическая ограниченность во времени и пространстве, территориальная локализованность, а также отграниченность от подобных структур экзогамным барьером семейно-брачных отношений получили идеологическое обоснование в принципах и нормах генеалогической традиции – «шежире» и обусловлены социально-экономическими, природно-экологическими и институциональными факторами. Так что семипоколенная форма общинных отношений у казахов представляет собой основной способ самоорганизации кочевого этноса.

Ключевые слова: *общественные отношения, социальная деятельность, кочевой социум, кочевая община, семипоколенная экзогамная структура, родовая территория, логический уровень, структура, функция, организационная форма.*

Nursan Alimbay

NOMADIC COMMUNITY OF KAZAKHS: PROBLEMS OF ETHNOSOCIOLOGICAL RECONSTRUCTION

The so-called seven-generation exogamic structure was an ethnically indicative organisational form of community relations among nomadic Kazakhs. This structure united a group of relatives within seven generations paternally and synthesised practically all main types and levels of social relations. Its known demographic limitations in time and space, localised territory as well as separation from similar structures by the exogamic barrier of family and matrimonial relations received ideological grounding in principles and norms of the genealogical tradition, i. e. "shezhire", and are determined by social, economic, natural, ecological and institutional factors. Thus, "seven generations" form of community relations of Kazakhs represents the principal way of self-organisation of a nomadic ethnos.

Key words: *social relations, social activity, nomadic society, nomadic community, seven-generation exogamic structure, tribal territory, logical level, structure, function, organisational form.*

Автор настоящих строк в ряде своих публикаций, посвященных различным аспектам истории и этнографии кочевничества в Казахстане, сформулировал положение о кочевом обществе как об общинном типе социальности [1, с. 10–61, с. 185–193; 3, с. 137–160]. Такой вывод непосредственно проистекает из объективной логики общественных отношений в кочевой среде. И это делает их отправной точкой размышления о природе кочевого общества казахов, на мой взгляд, имеющей «всеобщую силу определения» для всех этнически характерных, географически (экологически) и исторически обусловленных форм кочевничества в Евразии. Разумеется, не в русле столь привычной для отече-

ственного кочевниковедения схемы «базис-надстройка», являющейся теоретическим фундаментом небезызвестного экономического редукционизма советского толка с его замкнутым «цеховым» и достаточно консервативным характером

Наша бурно развивающаяся, особенно в последнее время, историографическая практика показывает, что любая позитивистски ориентированная (традиционная) трактовка понятия «общественные отношения» даже в современных научных терминах, говоря словами А. Кребера, «...ровно ничего не прибавляет к тому, что нам уже известно, а просто служит пикантной приправой» [11, с. 319]*. Поэтому смысл предпринимаемой экспликации заключается в адекватном применении понятия «общественные отношения» в качестве исследовательского инструмента объяснения механизма реализации отношений различных категорий номадов по поводу воспроизводства жизнеобеспечивающих условий, средств и самой жизни в их соответствующей (институциональной) организационной форме. В интересующем нас аспекте принципиально важно отметить, что понятие «организационная форма» означает присущую только тому или иному социуму, в данном случае кочевому, исторически, социально-экономически, социокультурно и даже экологически обусловленную определенную структурную комбинацию (организацию) системообразующих компонентов общественных отношений. Такое определение формирует методологически верное отношение к объекту изучения.

Логика изучаемой реальности такова, что структурный статус (положение) и функции любого элемента общественных отношений должны изучаться в взаимообусловленных и взаимозависимых связях с другими их составляющими, причем в постоянной проекции на деятельность людей как единственного созидательного начала в системе общественных отношений. Последнее уточнение весьма актуально, поскольку изучение мотиваций, целей, средств, предметов, объектов и результатов социально значимой человеческой деятельности в реальном историческом пространстве и времени означает изучение разнохарактерных структурно-функциональных связей между составляющими общественных отношений, т. е. собственно механизма функционирования социума. Общеизвестно, например, человек свою субъектную (и объектную) функцию реализует в той степени, в какой он находится во взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях с себе подобными субъектами социальной деятельности. Разумеется, при посредстве целеполагающих предметов и объектов, т. е. средств жизнеобеспечения. Отсюда следует, что эти и другие типы отношений – не только главное условие, но и способ деятельности людей, направленной на воспроизводство этих самих условий и жизнеобеспечивающих средств.

Итак, вопрос о связях – это, в сущности, вопрос о функциональном состоянии общественных отношений, и наоборот. Очевидно, именно это и имел в виду выдающийся представитель классической социологии Т. Парсонс, когда писал, что «если же приходится прибегать к структурной системе как к позитивному элементу динамического анализа, то должны быть найдены связи этих «статистических» структурных категорий и соответствующих им частных утверждений о факте с динамическими переменными элементами в системе. *Это связь осуществляется с помощью очень важного понятия «функция». Ее основная роль заключается в том, чтобы определить критерий важности динамических факторов и процессов внутри системы»* [16. с. 388] (веделено мною. – *Н. А.*). Сказано в свойственной ему манере достаточно абстрактно и обобщенно, зато точно.

Несколько слов относительно содержания понятия «общественные отношения», принципиально важных для целей настоящего сообщения. Основными составляющими (структурными элементами) общественных отношений являются не только люди, как субъекты социальной деятельности, но и объекты, предметы, средства и разноуровневые «каналы» ее реализации, рассматриваемые в их естественно-исторически обусловленных многоуровневых и разнонаправленных взаимозависимых связях. При этом в

структуре общественных отношений основной системо- и смыслообразующей «связкой» выступают человеческие связи, которымы, собственно, структурируются, «организуются» и регулируются абсолютно все формы и уровни этих отношений.

В свою очередь, общественные отношения в определенном смысле выступают как структура (одновременно и как технология (термин Э. С. Маркарьяна [15])) социальной деятельности. Последнюю же можно рассматривать в качестве функционального состояния общественных отношений.

В этом утверждении никакого противоречия нет, хотя на первый взгляд кажется, что между его первой и второй частями (предложениями), где основными смыслообразующими понятиями выступают «социальная деятельность» и «общественные отношения» соответственно, необходимая в таких случаях определенная причинно-следственная связь отсутствует. На самом деле такая связь существует. И предложенная формулировка как раз базируется на взаимообусловленных и взаимозависимых связях между отмеченными «блоками» социума – общественными (социальными) отношениями и социальной деятельностью. Дело в том, что, как известно, именно в процессе своей предметной деятельности люди вступают в соответствующую форму социальных связей, т. е. определенную общественную форму этой самой деятельности. Иными словами, эти связи формируются и регулируются институционально и «технологически» целеполагающей человеческой деятельностью. В то же время фундаментальные принципы и нормы разнохарактерных общественных связей образуют своего рода «технологию», т. е. принципы, нормы и социальные «каналы» деятельности людей, включенных в различные уровни общественных отношений.

В рассматриваемом аспекте следует отметить особую системо- и структурообразующую роль социальных институтов в общественных отношениях в качестве их организационных элементов. Эта роль выражается в выполнении ими очень важных в жизни общества весьма разнообразных функций (мотивирующей, коммуникативной, когнитивной, регулирующей, даже рекреационной и т. д.). Этим самым нейтрализуются, уравновешиваются и устраняются нежелательные для всего социума всевозможные формы девиантного поведения его членов. Если учесть, что большинство членов человеческих обществ живет по общепринятым и общепризнанным в них нормам, принципам и установлениям, или пользуясь знаменитой парсонсовской терминологией, правилом «системы стандартизированных ожиданий», то вся структура общественных отношений – это, в сущности, институционализированная структура. Это важное примечание объясняет (хотя, как подобает в таких случаях, достаточно обобщенно) механизм функционирования общественных отношений.

И еще об одном важном обстоятельстве, пожалуй, стоит особо сказать. Предложенное определение понятия «общественные отношения» должным образом предполагает естественный доминирующий характер того или иного элемента (или элементов) в зависимости от того, в каком историческом пространстве и времени, в какой исторически обусловленной организационной форме человеческие отношения функционировали. В традиционных обществах, например, в данном случае – кочевом обществе казахов система «неписанных» правил, установлений и верований и тесно связанные с ними всевозможные виды ритуалов, обычаев и обрядов жизненного цикла этноса, будучи, кстати, органической частью институциональной структуры социума, образовали едва ли не основной механизм организации и мобилизации социальной энергии общинников в изначально заданном «идеологическом» русле. И это было весьма важным фактором поддержания всех элементов общества кочевников в динамически равновесном состоянии.

Итак, данная обобщающая характеристика общественных отношений в их наиболее общих структурно-функциональных чертах и свойствах позволила, насколько это возможно в ограниченных рамках настоящего сообщения, представить столь же обобщенный образ взаимодействия основных со-

ставляющих данного понятия, а значит, общий механизм функционирования человеческого социума как самодостаточной системы. Отсюда – эвристичность и операциональность данного понятия как базового (исходного) исследовательского инструмента адекватного моделирования поисковой ситуации, связанной с постановкой конкретной научной проблемы и выработкой оптимального способа ее решения, в нашем случае – кочевниковедения.

Как известно, человеческие отношения на различных этапах истории и в различной этнокультурной среде имели исторически и экологически обусловленную (особенно в традиционной историко-культурной среде), этнически окрашенную организационную форму своего функционирования. В древности и в раннем средневековье, например, основной организационной формой общественных отношений у большинства народов мира была община. В аналогичной организационной форме функционировали и традиционные социальные отношения у казахов-кочевников, однако имевшей ряд весьма своеобразных, этнически характерных черт и свойств. Отсюда – необходимость выработки адекватной логики моделирования поисковой ситуации в следующей последовательности: «общее → особенное → конкретное». Соответственно, процесс моделирования поиска, т. е. собственно реализации цели по изучению, например, общественных отношений у казахов-кочевников в их соответствующей организационной форме существования должен включать в себя три логических уровня.

Первый, исходный логический уровень – это общетеоретическая позиция исследователя, которая основывается на понятии об основополагающих свойствах и чертах общественных отношений. Именно в таком качестве данное понятие выступает эффективным методическим инструментом моделирования исследовательских задач и их решения. Собственно, об этом более или менее в развернутой форме уже говорилось. Резюмируя сказанное отметим лишь, что представление о социальных отношениях как о субстанции общественного устройства кочевников, собственно, и составляет содержание принципиально необходимой общетеоретической позиции исследователя в рассматриваемом вопросе. А это и есть первый базовый логический уровень изучения механизма функционирования общественных отношений у кочевников.

Второй, необходимый логический уровень исследования означает изучение организационной формы социальных отношений у кочевников, т. е. собственно общины, понимаемой одновременно и как главного механизма функционирования кочевых социумов. При этом община рассматривается также и как генерализованный уровень, и как особый тип социальных связей, а в функциональном отношении – способ социальной деятельности в кочевой этноэкосистеме.

Эвристическая возможность этих двух уровней последовательно воплощается, конкретизируется и дополняется в процессе реализации ***третьего, завершающего логического уровня исследования вопроса.*** Смысл последнего заключается в изучении этнически характерных, исторически и экологически обусловленных организационных форм общинных отношений в кочевой среде. Если два первых логических уровня являются переходными, но при этом исходными и базовыми, то последний третий – результирующим всей процедуры организации и подачи соответствующего исторического (этнографического) материала. Разумеется, границы между этими уровнями взаимопереходящи и весьма условны.

Поскольку понятие «общественные отношения» достаточно абстрактный, обобщенный, генерализованный конструкт, то его содержание соответственно отражает (пользуясь известной парсоновской терминологией) «стандартизированные отношения» социальных субъектов по поводу воспроизводства условий и средств жизнеобеспечения. Однако именно в таком качестве данное понятие выступает основным теоретическим фундаментом изучения и кочевого социума.

Попробуем теперь реально представить процесс «опредмечивания» содержания понятия «общественные отношения» примени-

тельно к традиционной социальной среде казахов. Из логики обозначенного концепта вытекает, что структурными элементами общинных отношений у кочевников являются не только общинники с их разнонаправленными и разноуровневыми целеполагающими социальными связями, но и практически все общественно значимые объекты, предметы, средства и социокультурные нормы (принципы) человеческой деятельности. Это – территория, скот, различные виды орудий труда, локальное (общинное) этническое самосознание и самоназвание, всевозможные виды ритуалов, обычаев, обрядов жизненного цикла этноса, мировоззрение, система родства, генеалогия (шежире), этнические стереотипы, морально-этические и обычноправовые нормы поведения, фольклорные традиции и даже кочевые тропы и маршруты (понимаемые как важнейшие элементы производственного процесса), функционировавшие и как специфические способы и средства, и как «каналы» реализации социальных отношений, т. е. в своем системном единстве составляющие механизм поддержания социума в равновесном состоянии.

Как уже было сказано, главным и, пожалуй, единственным способом (формой) функционирования общественных отношений в условиях кочевого образа жизни была община**. И тут встает принципиальной важности вопрос, какую этнически характерную, исторически и экологически обусловленную организационную форму имели традиционные социальные отношения казахов? Это действительно очень занятный вопрос, поскольку речь идет о такой организационной форме, которой, собственно, обеспечивалась самодостаточность функционирования общественных отношений у кочевников, как автономной социальной системы. Самодостаточность такой формы социальных отношений в кочевой среде, т. е. общины как социума означает ее способность к самоорганизации, саморегуляции и самовоспроизводству. Благодаря этим качествам община выступает самостоятельным субъектом и внутриобщинных отношений, и в системе взаимосвязей со своими окружениями – себе подобными структурами, природной средой и т. д.

Необходимость решения обозначенного вопроса логически выдвигает очень важную, можно сказать, центральную ключевую задачу – определение структурных составляющих этих отношений, как непосредственных корпоративных субъектов хозяйственной деятельности и воспроизводства индивида общинного типа. Такой ракурс подхода к проблеме позволяет получить научно обоснованный ответ на поставленный выше вопрос относительно адекватной организационной формы функционирования общественных отношений у кочевников.

Речь идет о таких относительно самостоятельных, но только в непосредственно жизнеобеспечивающем секторе социума (хозяйство, быт, сфера «первичной» социализации человека и т. д.) «базовых» социально-экономических ячейках, которые в своем исторически, социокультурно, экологически необходимом количестве образовали соответствующую социальную систему. Такую систему, которая обладает достаточной возможностью и способностью к самовоспроизводству и саморегуляции, оптимальную и с точки зрения сбалансированного взаимодействия с естественной окружающей средой. Речь идет о социуме-общине.

Попробуем теперь «отыскать» эти самые величины с позиции их непосредственной жизнеобеспечивающей функции, благодаря которой они и являлись основными системо- и структурообразующими элементами общины. Источники свидетельствуют (да и объективная логика реальности подсказывает), что именно большая неразделенная семья – ***«бир ата»*** (букв. «единый предок»), объединившая группу кровных родственников в пределах двух-трех поколений по отцовской линии и известная в дореволюционных русских источниках второй половины XIX в. под характерным названием «хозяйственный аул», была основной производящей необходимого минимума жизненных благ ячейкой. Иными словами, эта патронимия выступала как единственно главная социокультурная и производственная структура, поскольку являлась

непосредственным субъектом практически всех видов хозяйственной деятельности и воспроизводства человека в его различных социальных связях прежде всего потому, что она была основным собственником скота – этого главного «движимого» источника существования и, обусловленным данным обстоятельством, единственно реальным субъектом эксплуатации соответствующего участка родовой территории, но только лишь в форме пользования. Образно говоря, эта патронимия распоряжалась только растительным покровом и водой, но не землей, неделимой и неотчуждаемой, поскольку являлась всеобщим естественным условием воспроизводства и «общинности» индивида, и семьи, и общины, и даже самого всеобщего естественного условия***. То есть «бир ата» не была самостоятельной производительной силой. Свою функцию непосредственного производителя она осуществляла лишь в той мере, в какой она находилась в тесных взаимообусловленных отношениях с себе подобными структурами в пределах общины – «жети ата», представлявшая собой генеалогически организованную группу родственников (действительных и мнимых) в пределах семи поколений по отцовской линии. В этом смысле данную структуру можно рассматривать и как функционально интегрированную систему производительных сил.

В этом случае основная функция общины заключалась в обычноправовом, потестарно-политическом (управленческом и властном) и генеалогическом регулировании системы землепользования, т. е. отношений между составляющими ее – патронимическими образованиями по поводу пользования соответствующими сегментами родовой (общинной) территории. Тем самым обеспечивался оптимальный экономический и обычноправовой режим для сбалансированного взаимодействия между «бир ата» в традиционной системе земельных отношений. Это означает, что содержание отношений общинной собственности на землю нельзя объяснить лишь с позиции экономической категории «производственные отношения». Ибо, община в кочевой среде не являлась непосредственным субъектом материального производства. И это обстоятельство отнюдь не противоречит тому, что именно община обладала монопольным правом субъекта собственности на родовую территорию. Такое право обеспечивалось монополизацией ею практически всех основных управленческих и властных функций (т. е. функций принуждения и наказания) в полном соответствии с господствующим социальным порядком в общине.

Из сказанного следует, что отношения общинной собственности на землю состояли из нескольких взаимообусловленных и взаимозависимых уровней: отношений пользования, субъектом которых выступали большие неразделенные семьи и системы управления и регулирования земельных отношений. При этом отношения пользования опосредствовались отношениями большесемейной собственности на скот, которые также являлись весьма существенными составляющими механизма реализации отношений общинной собственности на землю в кочевой среде. Поэтому отношения общинной собственности на родовую территорию представляли собой функционально интегрированный синтез многоуровневых отношений таксономически разноранговых субъектов (человек, большая семья, община) в системе землепользования.

Резюмируя сказанное можно заключить, что такой «сегментированный» способ реализации отношений собственности на землю в форме отношений пользования, в сущности, представляет собой один из эффективных экономических факторов (одновременно и методов) рациональной эксплуатации ресурсов среды обитания, с одной стороны, а с другой – обеспечения корпоративного единства общины как социума, поскольку исключала экономическую основу центробежных тенденций в общине.

Итак, свою хозяйственную и другие функции «бир ата» осуществляла только лишь в качестве органической составляющей «жети ата», которая будучи генеалогически организованной социальной системой состояла из экологически и демографически лимитированного, экономически и социо-

культурно обусловленного количества «бир ата». Разнохарактерные социальные связи родственниками – членами (близкими и дальными) различных «бир ата» опосредствовались функциями данных патронимических структур. В этой связи особо отметим следующий принципиально важный аспект: «жети ата» не есть некое механическое соединение и совокупность определенного количества «бир ата». Эта было бы слишком упрощенным пониманием существа вопроса в духе позитивизма.

Презентируемое положение о том, что «бир ата» свои отмеченные субъектные функции осуществляла лишь в той мере, в какой являлась естественно-исторически, социокультурно и экономически неотъемлемой частью «жети ата», означает разноуровневые взаимообусловенные отношения между «бир ата». Из этого факта конкретно-исторически и логически следует, что «жети ата» являлась исторически упорядоченной, социокультурно, экономически и экологически обусловленной институциональной (организационной) формой этих отношений. Так что в кочевой среде именно эта патронимия вступала как единственно возможный субъект производственной деятельности и воспроизводства общинника, но только лишь будучи в составе «жети ата» как необходимого институционального, социокультурного, потестарно-политического и даже естественно-природного условия ее нормального функционирования. Данный онтологически и логически хорошо верифицируемый факт позволяет сформулировать положение в виде следующего силлогизма: «жети ата» представляла собой объединение экономически, экологически, демографически лимитированного, санкционированного традицией определенного количества «бир ата» – основных производителей материальных и духовных благ, тесно связанных между собой кровнородственными, экономическими, социокультурными и территориальными отношениями. В то же время «жети ата», будучи организационной (институциональной) формой, структурным синтезом этих отношений, функционировала в качестве главного (генерализованного и генерализующего) субъекта управления и регулирования практически всех основных уровней внутри- и межобщинных отношений. Следовательно, «жети ата» в пределах пространства жизнедеятельности всех ее составляющих была самовоспроизводящим и саморегулируемым социальным организмом, т. е. социумом-общиной.

Социальные границы этого образования маркировались по «количественному» принципу «семь поколений». Известная демографическая ограниченность «жети ата» во времени и пространстве, территориальная локализованность, а также отграниченность этой структуры от других аналогичных структур экзогамным барьером традиционных семейно-брачных отношений получили мощное идеологическое обоснование в принципах и нормах генеалогической традиции – шежире****. Разумеется, отмеченный принцип (способ) маркирования прежде всего обусловлен разнохарактерными историческими и социокультурными факторами и лимитирующими ресурсными возможностями среды обитания.

Итак, несколько перефразируя общепринятую в среде медиевистов известную мысль К. Маркса***** о средневековой германской марке-общине [16, с. 472] применительно к кочевничеству можно сделать заключение о том, что кочевая община казахов существовала только в взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях ее составляющих – «бир ата». Но столь же верно и то, что именно эти отношения и образуют общину – необходимую организационную форму их функционирования – как главное и всеобщее условие одновременно, основной механизм существования и индивида в его «общинном» качестве, и патронимии, и самой общины. Иными словами, именно в рамках этой структуры институционально, идеологически, социокультурно, производственно-экономически и даже экологически обеспечивался необходимый уровень плотности и интенсивности различных типов и уровней социальных связей в кочевой среде, понимаемых как «технология» воспроизводства и регулирования жизнедеятельности и личности (общинного типа), и семьи, и самой об-

щины. То есть именно данная структура функционировала как главный социальный механизм перманентного воспроизводства и жизнеобеспечивающих условий и средств, и самой жизнедеятельности номадов.

Способность функционировать семипоколенной экзогамной структуры как главной организационной формы общинных отношений у кочевников, т. е. как социума означает ее способность быть и активным субъектом практически всех форм и уровней внешних отношений – межобщинных, межплеменных, межжузовых и т. д. Собственно говоря, и племя, и жуз****** – это, в сущности, особые институционализированные уровни этих разнохарактерных внешних отношений. Вместе с тем эти самые отношения функционируют в известном смысле как своего рода идентификационное пространство родственно-родовой идентичности общины. Иными словами, именно эти отношения выступают практически основным механизмом перманентного воспроизводства родственно-родовых связей в семипоколенной экзогамной структуре как мощного сплачивающего и регулятивного механизма кочевого социума.

В связи с постулируемым тезисом о семипоколенной экзогамной структуре как об общине, естественно возникает давно дискутируемый в науке вопрос о совпадении рода и общины. Наши материалы, почерпнутые из различных источников, подтверждают их совпадение, т. е. взаимообусловленное единство этих двух начал как в организационном, так и функциональном отношении, что особенно проявлялось в процессе функционирования различных сфер жизнедеятельности социума. Поэтому можно говорить о функциональной интегрированности их как об естественном перманентном состоянии общины. При этом родственно-родовые отношения осуществляли общиннообразующую функцию. Понятно, что во взаимозависимом и взаимодополняющем единстве с другими факторами общественного производства – социокультурным, экономическим, экологическим, институциональным и т. д. Достаточно сильная позиция генеалогически организованных родственно-родовых связей в обществе, особенно заметно прослеживаемая в доколониальный период, не есть признак архаичности уклада жизни номадов, как полагает ряд исследователей в духе «истмата», а одна из составляющих способа самоорганизации кочевого этноса.

ПРИМЕЧАНИЯ

* *Kroeber A. L.* Anthropology. N.Y. 1948. P. 325; Цит. по книге: [11, с. 319].

** В науке вольная и расширительная трактовка понятия «община» давно стала прочной историографической традицией. В ней, например, наряду с действительной общинной формой социальных отношений у ряда народов Африки, Австралии и Южной Америки, находящихся как бы в «этнографической консервации», и современные более или менее компактно живущие этнической коллективы именуются общинами (например, армянская община, турецкая община, корейская община и т. д.). Не вдаваясь в подробности этого во многом запутанного вопроса, который вполне заслуживает быть предмет очень серьезного исследования, и во избежание возможных упреков и недоразумений сразу оговоримся, что для автора настоящего сообщения община – это прежде всего социум с его автономным режимом функционирования. В этом смысле общиной в традиционной социальной среде, на мой взгляд, следует назвать только ту структуру, которая обладала способностью к самовоспроизводству и саморегуляции. О некоторых аспектах научной трактовки вопроса, в частности, о так называемом «гемайншафтном» (gemeinschaft) и «гезельшафтном» (gesellschaft) разновидностях понимания природы общины см.: [6, с. 511–512; 7, с. 515–516].

***Как и во всех традиционных социумах, кочевник себя полностью отождествлял с родной, родовой территорией как естественным продолжением своего природного бытия, мотивируя это унаследованностью ее от великих основателей рода («**жети ата**») – своих предков. «**Киндик кан тамган жер»** (примерный смысл данного фразеологизма: «земля, впитавшая капли крови из пуповины моей, моих родственников, моих предков») говорили в таких случаях кочевники, совершенно ясно подразу-

мевая изначальную природную принадлежность данной территории своему роду – общине (Полевые материалы автора. 1990).

**** Шежире (по-арабски «шаджара», переводится буквально как «дерево») – особое и наиболее популярное в традиционной среде казахов направление фольклорной историографии, повествующее о происхождении (нередко мифологизированное) того или иного рода (племени), даже этноса. Однако такая генеалогическая направленность шежире на самом деле строго подчинена основной «идеологической» цели социума – регламентации норм, форм и принципов родственно-родовых связей – «сквозного» типа общинных отношений. И в таком качестве функционировал достаточно эффективный институт регулирования различных уровней и типов традиционных социальных отношений у кочевников.

***** Несмотря на обструкцию (порой не совсем обоснованную и корректную) научной теории К. Маркса, особенно, со стороны его недавних приверженцев, она в своих существенных аспектах в мировой системе социальных наук остается одной из самых влиятельных социологических доктрин. В этой связи достаточно напомнить о том, что выдающийся французский структуралист Клод Леви-Стросс при создании своих исследований, в частности знаменитой «структурной антропологии» «... испытывал сильное влияния К. Маркса...» [6, с. 366; 389–397; 4; 12]. Безусловно, отвергая революционно ориентированную часть системы научных взглядов К. Маркса, вероятно, не следует отвергать его структурную методику, блестяще апробированную многими серьезными исследованиями в различных областях современных социальных наук, а потому признаваемую даже ярыми оппонентами ученого. Разумеется, эффективность применения ее заключается в оптимальном сочетании с передовыми методами других современных научных школ и направлений, представляющих различные дисциплины – социологию, теоретическую экономику, антропологию, историю, этнологию и т. д.

******Жуз – название потестарно-политического объединения (или союза) племен со своей территорией и автономной системой самоуправления. Казахи традиционно делились на три жуза: старший, средний, младший. Известный востоковед В. П. Юдин, основываясь на сообщение русских «служилых людей Т. Петрова и И. Куницына о поездке в Калмыцкую землю… в 1616 году», а также на материалах известного сочинения средневекового автора Хафиз Таныша «Шараф-Наме – ИЙ Шахи», полагал, что к началу XVII в. «…произошло уже размежевание всех трех жузов» [14, с. 243].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алимбай Н.* Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Н. Алимбай, М. С. Муканов, Х. Аргынбаев. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Наука, 1998. С. 10–61.

2. *Алимбай Н.* Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (Введения в проблематику) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы: Материалы международной конференции. Алматы: Дайк-пресс, 2004. С. 185–193.

3. *Алимбай Н.* Об исходных принципах изучения традиционного казахского общества (краткий номадологический дискурс) // Труды Центрального музея. Алматы: Наука, 2004. Вып. I. С. 137–160 (на каз. яз.).

4. *Альтюссер Л.* За Маркса / Пер. с фр. М.: Праксис, 2006. 392 с.

5. *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников Центральной Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

6. *Джери Д.*, *Джери Дж.* Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ.: В 2 т. М.: Вече, 2001. Т. I. 543 с.

7. *Джери Д.*, *Джери Дж.* Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ.: В 2 т. М.: Вече, 2001. Т. II. 527 с.

8. История России. Теоретические проблемы. Вып. I: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. М.: Наука, 2002. 240 с.

9. *Кребер А. Л.* Избранное: природа культуры / Пер. с англ. М.: Росспэн, 2004. 1008 с.

10. *Курылев В. П.* Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX-начало XX века). СПб.: Петербургкомстат, 1998. 295 с.

11. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. 2-е изд. М.: Академический проект, 2008. 555 с.

12. *Лефорт К.* Формы истории. Очерки политической антропологии / Пер. с фр. СПб.: Наука, 2007. 341 с.

13. *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.

14. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата: Наука, 1969. 713 с.

15. *Маркарьян Э. С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983. 284 с.

16. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М.: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. I. 545 с.

17. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Пер. с англ. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

18. *Парсонс Т.* О социальных системах / Пер. с англ. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

19. *Тернер Дж.* Структура социологической теории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 477 с.